

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФИИ

Автор статьи проводит анализ значения метафоры в философском творчестве, рассматривает метафору как разряжение напряжения между метафорически употребляемым словом и контекстом его употребления.

При анализе роли и значения метафоры в философском творчестве возникает ряд проблем, вопросов требующих решения. Что такое метафора? Как распознать и интерпретировать метафору? Как метафора связана с познанием вообще и с научным, рациональным познанием в частности? Какие функции в познании выполняет метафора? Чем метафора отличается от сравнения и аналогии, по той роли, которую она играет в познании? Где роли метафоры и аналогии пересекаются? Чем метафора отличается от других тропов (метонимии, синекдохи, оксюморона и т.д.), и необходимо ли отделять метафору от этих тропов, когда речь идет о ее познавательных функциях? Необходимо ли в философском тексте отделять метафору от образного (метафорического) сравнения? В чем отличие философских метафор от научных метафор, религиозных, поэтических? Варианты ответов на некоторые из этих вопросов будут рассмотрены в данной статье.

Что такое метафора?

Традиционно метафора связывалась с языковыми тропами, или стилистическими фигурами, т.е. с некоторыми преобразованиями фрагментов языка. Метафора — риторический троп, сущность которого заключается в том, что вместо слова, употребленного в прямом смысле, используется сходное с ним по смыслу слово, употребленное в переносном смысле. Самой ранней теорией метафоры является теория подстановки, восходящая к Аристотелю. Аристотель определяет метафору как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии».

Макс Блэк выделяет три основные концепции в теории метафоры: субституционную, сравнительную и интеракционистскую. «Согласно субституционной концепции, фокус метафоры (т. е. метафорическое слово или выражение, вставленное в рамку прямых значений слов) служит для передачи смысла, который в принципе мог бы быть выражен буквально». «Понимание метафоры подобно дешифровке кода или разгадыванию загадки» [2, с. 159]. Считать, что в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии — значит придерживаться сравнительной концепции метафоры. Поскольку, согласно «сравнительной точке зрения», метафорическое утверждение может быть заменено эквивалентным ему сравнением, она является разновидностью субституционной концепции метафоры.

Теория взаимодействия «интеракционистская концепция метафоры», разрабатывавшаяся Ричардсом и М. Блэком [2, 8], рассматривает метафору как разрешение напряжения между метафорически употребленным словом и контекстом его употребления. Обращая внимание на тот очевидный факт, что большинство метафор употребляется в окружении слов, не являющихся метафорами, Макс Блэк выделяет фокус и рамку метафоры, т.е. метафору как таковую и контекст ее употребления. Кроме того, он вводит понятия основного, вспомо-

гательного субъекта метафоры и системы общепринятых ассоциаций. Владение метафорой подразумевает знание системы общепринятых ассоциаций, и потому теория взаимодействия подчеркивает прагматический аспект переноса смысла.

Какие функции в познании выполняет метафора?

Словосочетание «функции метафоры» можно понимать в двух значениях. С одной стороны — это то, что позволяет автору метафоры проникнуть в суть рассматриваемого явления, подобрать нужный термин, при отсутствии его в словаре, более четко и емко обозначить свой взгляд на предмет исследования и т.д. С другой стороны функции метафоры — это то, что помогает читателю понять мысль автора, то, что будит творческую интуицию читателя, вынуждает его погрузиться в особенности другой культуры (изучить систему общепринятых ассоциаций) или во внутренний психологический мир автора, использовавшего метафору. Эти две стороны метафорических функций тесно переплетены, взаимосвязаны.

Текстообразующая функция. Метафора играет роль средства достижения эмоционального переживания или убеждения. Слово, употребленное метафорически, бросается в глаза, как яркое пятно на одноцветной ткани. Но риторические тропы выполняют не просто вспомогательную роль, психологически окрашивая текст. Предметы эмоционального возбуждения привлекают внимание, а значит, могут образовывать пункты восхождения, упрощающие читателю восприятие внутренней организации текста. Метафора аналогична логическому ударению, задающему позицию субъекта и предиката суждения, так как определяет ведущие и вспомогательные темы.

Разъясняющая функция. Философская метафора главным образом осуществляет отождествление отличных друг от друга предметов с целью разъяснения философской терминологии и понимания сути философской проблематики [3, с. 86]. Х. Ортега-и-Гассет, полагал, что метафора — это едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции. Обосновывал он этот тезис метафорическим разъяснением сути понятия «сознание».

Функция словообразования (номинативная). Метафора служит обновлению языка, накоплению и формированию богатства языковых ресурсов. «Акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов — развития синонимических средств, появления новых значений и их нюансов, создания полисемии, развития систем терминологии и эмоционально-экспрессивной лексики. Без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, т. е. предикатов, характеризующих абстрактные понятия. Без нее не возникли бы ни предикаты широкой сочетаемости (ср., например, употребление глаголов движения), ни предикаты тонкой семантики» [1, с. 9].

Номинативная функция метафоры, особенно важна в философии и науке, метафора инструмент создания философской и научной терминологии. «Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, т. е. когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятым, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на

новое понятие. Термин приобретает новое значение при помощи старого, которое за ним сохраняется, это и есть метафора» [6, с. 69].

Подобные экскурсы в этимологию или в сопоставительную семантику языков создают эффект радостного открытия, потому что восстанавливается историческая справедливость по отношению к слову, восстанавливается его образ. Веками сохраняющаяся в глубинах слова образность дарует слову вторую жизнь, когда это слово становится метафорой. Номинативная функция метафоры — это презумпция образности любого слова.

Х. Ортега-и-Гассет считает важнейшей функцией метафоры — быть орудием мышления, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Метафора удлиняет «руку» интеллекта. Без метафоры на нашем ментальном горизонте образовалась бы целинная зона, формально попадающая под юрисдикцию нашей мысли, но фактически неосвоенная и невозделанная [6, с. 72]. Свою мысль Х. Ортега-и-Гассет иллюстрирует следующим примером: психолог пользуется метафорой «глубина души». Если бы «глубина души» так же ясно воспринималась нашим взором, как, например красный цвет, мы бы пользовались для ее обозначения прямым наименованием. Но дело в том, что интересующий нас психический объект не только трудно назвать, о нем даже трудно помыслить. Он ускользает от нас, мысль не может его уловить, и тут мы начинаем замечать, что метафора служит не только наименованию, но и мышлению.

Поль Рикер, называя метафору намеренной категориальной ошибкой, видит значение метафоры в движущей силе, образующей сравнение. «Идея категориальной ошибки подводит нас близко к цели. Можно сказать, что действие порождающего речевого механизма в области метафоры заключается в размытии логических — или так или иначе установленных — границ, благодаря которому обнаруживаются новые сходства, невидимые в рамках прежней классификации. Другими словами, сила метафоры — в способности ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [7, с. 442]. Следовательно, метафоры нужны в период смены научных или философских парадигм.

Чем метафора отличается от сравнения и аналогии, по той роли, которую она играет в познании? Где роли метафоры и аналогии пересекаются?

Одна из самых популярных теорий метафоры — это концепция метафоры, как эллиптического или сжатого сравнения. М. Блэк в своей статье приводит высказывание Уайтли: «Сравнение можно рассматривать как отличное от метафоры только по форме: в случае сравнения сходство утверждается, а в случае метафоры — подразумевается» [2, с. 161]. Таким образом, метафора, во-первых, это сжатое сравнение; во-вторых, сходство в метафоре нужно еще уловить, выявив суть сравнения, а в самом сравнении сходство дано явно. Сам М. Блэк разрабатывая интеракционистскую концепцию (концепцию взаимодействия), пытается вовсе уйти от определения сущности метафоры через понятия сходства и сравнения.

Процедуры сравнения, установления аналогии или сходства не тождественны эффекту метафоры. Во-первых, аналогия может быть верной или неверной, а о метафоре этого сказать нельзя. Это значит, что сначала должен иметь место эффект метафоры, а лишь потом возможно определение ее пригодности для

описания предмета, иное с аналогией, которая как логическая операция отталкивается от принципа пригодности, получая необходимые выводы, а не приходит к нему как к следствию. Во-вторых, аналогия, в силу развернутого характера, лишена емкости метафоры и, следовательно, не может выполнять функцию словообразования.

Чем метафора отличается от других тропов (метонимии, синекдохи, оксюморона и т.д.), и необходимо ли отделять метафору от этих тропов, когда речь идет о ее познавательных функциях?

Для сторонников теории сравнения метафора ограничивается переносом по аналогии, тогда как переносы с рода на вид и с вида на род — это *синекдоха*, сужающаяся и обобщающаяся соответственно, а перенос с вида на вид — *метонимия*. В современных теориях метафора чаще противопоставляется метонимии и/или синекдохе, чем отождествляется с ними. В знаменитой теории Р.О. Якобсона («Заметки о прозе поэта Пастернака») метафора противопоставляется метонимии, как перенос по сходству — переносу по смежности. Действительно, *метонимия* — это риторический троп, сущность которого заключается в том, что одно слово заменяется другим, причем основанием замены становится пространственная, временная или причинно-следственная смежность означаемых. Например, стоять в головах, полуденная сторона, рукой подать и т.д. Как отмечали льежские риторы из так называемой группы «μ» [5], метонимия, в отличие от метафоры, представляет собой подстановку одного слова на место другого при посредстве понятия, которое является не пересечением (как в случае метафоры), но объемлющим означаемых — заменяемого и заменяющего слова. Однако, как сообщает «Общая риторика» группы «μ», Р.О. Якобсон часто смешивал метонимию с синекдохой. *Синекдоха* — риторический троп, сущность которого заключается либо в замене слова, обозначающего часть некоторого целого, словом, обозначающим само это целое (обобщающая синекдоха), либо, напротив, в замене слова, обозначающего целое, словом, обозначающим часть этого целого (сужающая синекдоха). Примеры обобщающей синекдохи: ловить рыбу, разящее железо, и т.д. Примеры сужающей синекдохи: звать на чашку чая, хозяйский глаз и т.д. Группа «μ» предложила рассматривать метафору как соположение сужающей и обобщающей синекдохи. Они описывают метафорический процесс следующим образом: $I \rightarrow (П) \rightarrow Р$, где *I* — исходное слово (или выражение), *Р* — результирующее слово (или выражение), а переход от первого ко второму осуществляется через промежуточное понятие *П*, которое в дискурсе не присутствует. Разложенная таким способом на составные части метафора может быть истолкована как соположение двух синекдох, поскольку *П* является синекдохой относительно *I*, а *Р* — синекдохой относительно *П* [5, с. 202]. Как мне кажется в метафоре, синекдохе, метонимии — больше общего, чем различного. Именно это стремились подчеркнуть льежские риторы, нашедшие точки пересечения синекдохи и метафоры. Тем не менее, метафора в отличие от синекдохи и метонимии имеет более широкое поле деятельности, т.е. возможность выбрать метафору из более широкого класса явлений, что определяет их отличия по той роли, которую они играют в познании. Кроме того, желательно в философском тексте придерживаться некоторой «дисциплины» в использовании понятий, а не соединять в одно все образные выражения.

Необходимо ли в философском тексте отделять метафору от образного (метафорического) сравнения?

Близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнений. Жерар Женетт, пытаясь уйти от отождествления метафоры и сравнения, составил таблицу, где отвел метафоре очень скромное место. Он разделил метафорическое предложение на следующие части: первый член (главный субъект у М. Блэка), мотив (уточняющее слово), модализатор (связки — как, подобен, похож и т.д.) и второй член (вспомогательный субъект, или собственно метафорическое слово). Метафора им определяется как немотивированное отождествление без первого члена. В качестве примера Ж. Женетт берет фразу: *Моя любовь пылает как пламя*. *Моя любовь* — первый член; *как* — модализатор; *пылает* — мотив; *пламя* — второй член. Метафора: *Мое пламя* [4, с. 26–27]. Стремление ограничить метафору объясняется в частности тем, что долгое время ее значение слишком расширяли, сведя к ней как к царице, все образные выражения. Артюнова Н.Д. приводит следующие аргументы в пользу разведения метафоры и метафорического сравнения: «Метафора лаконична. Она легко входит в «тесноту стихотворного ряда» (по Ю.Н. Тынянову). Она избегает модификаторов, объяснений и обоснований. Метафора сокращает речь, сравнение ее распространяет. Эти тропы отвечают разным тенденциям поэтического языка» [1, с. 27]. Здесь, как мне кажется, отмечено одно из основных отличий поэтических и философских метафор. Философский текст не нуждается в такой лаконичности, кроме того, философы часто не только используют метафору, но и конструируют свою систему ассоциаций, которые требуется пояснить. Поэтому, нет нужды отделять метафору от метафорического сравнения, анализируя философский текст, да и в художественных текстах, это различие иногда имеет чисто синтаксическую природу.

Исследование познавательной ценности метафоры в философии не сводится только к рассмотренным вопросам. Важно, например, определение соотношения метафоричности и рациональности в философском тексте. Большую роль в теории метафоры играет выявление и анализ роли ключевых, базисных метафор в истории философии и т.д.

Литература

1. Артюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
2. Блэк Макс. Метафора // Теория метафоры: Сборник. М., 1990. 512 с.
3. Ермоленко Г.А. Методология философского познания: проблемы и перспективы: Монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. 120 с.
4. Женетт Жерар. Фигуры. В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
5. Общая риторика (группа μ: Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тритон А.): Пер. с фр. / Общ. ред. А.К. Авеличева. 2-е изд., стереотипич. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
6. Ортега-и-Гассет Хосе. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник. М., 1990. 512 с.
7. Рикер Поль. Живая метафора // Теория метафоры: Сборник. М., 1990. 512 с.
8. Ричардс А. Айвор. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник. М., 1990. 512 с.